

-Вялый мужлан, - пробормотал Стрейндж себе под нос, когда последняя медсестра ушла, молча благодарный, что Туши не был одним из хирургов, которые оперировали руки Изуку. Стрейндж вернулся к Изуку, наблюдая за мальчиком, который теперь мирно отдыхал в своей постели—совсем не похоже на то, каким он был всего несколько минут назад. Его глаза задержались на заплаканных веснушках, прежде чем скользнуть взглядом по забинтованным рукам.

Болезненный укол воспоминания пронзил мозг Стрейнджа. В это мгновение он увидел не Изуку, лежащего на больничной койке, а самого себя, отчаявшегося из-за разрушенного состояния своих рук... и разрушенного состояния того, что когда-то было его престижной хирургической карьерой.

Я мог бы сделать лучше... Стрейндж подумал о том трогательно горьком всхлипе, который он издал, просматривая работу, сделанную, чтобы спасти свои собственные руки, работу, которую Стрейндж в то время считал неудачной и дилетантской. Стрейндж потрянул головой, отгоняя неприятные воспоминания. Он не будет педантично расчесывать каждый дюйм кожи, над которым работали хирурги Изуку; он просто будет верить, что хирурги сделали все, что могли.

"Вера", - тихо сказал себе Стрейндж, посмеиваясь над иронией этого заявления. Где бы он был сегодня, если бы не испытывал недостатка веры в последствия своей операции? Его неверие помогло ему отправиться в великое наивное приключение, чтобы исправить ошибки, нанесенные его тяжелыми ранами. Отсутствие веры-вот что в конечном итоге привело его в Камар-Тадж в его самой отчаянной попытке получить лечение. Недостаток веры-вот что поставило его на путь к тому, чтобы стать Верховным Магом.

"Хм?" Стрейндж почувствовал легкое движение и увидел, как один из нижних кончиков его Плаща Левитации свернулся к лицу Изуку, осторожно вытирая слезы, оставшиеся на его щеках.

- Он тебе понравился, не так ли?" - беззастенчиво спросил Стрейндж.

Зачарованный плащ оцетинился подтверждением, прежде чем безжизненно опуститься на спину Стрейнджа.

Стрейндж не смог сдержать смешка. - Как и мне."

Стрейндж соединил кончики среднего и указательного пальцев под углом, согнув большие пальцы в ладонях. Кончики его соединенных пальцев заискрились лучистой оранжевой энергией, прежде чем он быстро развел их в стороны, вниз, а затем снова соединил, рисуя кончиками пальцев в воздухе большую квадратную форму. Когда его пальцы снова соединились, магия Стрейнджа устремилась внутрь, заполняя пустое пространство диаграммы энергией. Последовала яркая вспышка, и на том месте, где когда-то был мистический квадрат, материализовалось одеяло. Выдернув из воздуха трепещущую ткань, Стрейндж распустил ее над спящим телом Инко, позволив ей удобно устроиться на ней—она, будучи матерью

мальчика, тоже заслуживала некоторого утешения во всем этом.

Затем Стрейндж поднял руки, вытянул левую и согнул пальцы правой, вращая их вверх и вниз, когда его магическая энергия закружилась перед ним, как вихрь. Затем пространство разделилось, широко открываясь, чтобы показать его спальню в глубине его Святилища.

Его портал открылся, и Стрейндж приготовился шагнуть через него и удалиться на весь день, как вдруг—

Как я могу помочь людям, если я не могу использовать свои руки!? Заявление Изуку об отчаянии прозвучало в голове Стрейнджа, слова заставили его остановиться, когда он поставил одну ногу через портал.

Эти слова...несмотря на то, что Стрейндж заметил сходство между ним и Изуку, эти слова подчеркивали большую разницу между ними: Изуку обладал гораздо более впечатляюще бескорыстной натурой, чем Стрейндж, когда получил травму.

Там, где он был обезумевшим из-за потери своих рук, Стрейндж теперь знал (и мог признать без стыда), что по-настоящему разрушило его в тот день то, что представляла собой эта потеря: его прибыльная и богатая карьера, тщательно построенная за многие годы преданного изучения и практики, была потрачена впустую за один день.

Стрейнджу было легко увидеть и понять потерю, которую, несомненно, ощутил Изуку, когда с ужасом посмотрел на свои сломанные руки: он потерял самый простой, самый добрый способ предложить помощь другому человеку.

В то время как Стивен Стрейндж в прошлом рассматривал свои собственные руки не более чем как инструменты для поддержания роста, возможно, величайшего хирурга в мире в то время, Изуку рассматривал свои собственные руки как самый простой, но лучший способ предложить любую помощь, которую он мог оказать другим.

Стрейндж ясно это понимал. И теперь он понял, что должен сделать.

"Изуку Мидория..." - прошептал он себе под нос, полностью пройдя через портал. - Я не успел вовремя спасти тебя, но я отказываюсь просто стоять в стороне и позволить такой чистой мечте погибнуть там, где ты лежишь."

Бросив на мальчика последний взгляд, Стрейндж щелкнул пальцами в направлении своей спальни. Две чашки, которые он поставил на больничный стол, внезапно левитировали—движимые его невидимой магической энергией—и пронеслись через портал, как только он закрылся.

"Я больше не буду жалеть тебя, Изуку", - подумал Стрейндж, когда его глаза медленно

привыкли от яркой белизны больницы к темноте его Святилища.

Вместо этого я предложу тебе то, что мой Учитель предложил мне много лет назад. Он позволил Плащу Левитации слететь со спины. Стрейндж, не теряя времени, отправился спать, чтобы как следует отдохнуть на завтра.

Путь, по которому нужно идти.

Изуку пожалел, что не отдохнул сегодня как следует.

Когда он, пошатываясь, пришел в себя после того, как его удерживали медсестры, уже наступила ночь. Его мать, сидевшая в том же кресле, что и джентльмен, который спас его, приветствовала его знакомыми слезящимися глазами; она выглядела значительно измученной, хотя в тот момент у Изуку не было зеркала, и он не мог представить себя намного лучше.

-Милый? .. - устало произнесла Инко. - Медсестра приходила раньше, но ты все еще спал...не хочешь поужинать? Я знаю, что больничная еда может оставить желать лучшего, но, возможно, было бы неплохо хотя бы немного поесть."

Изуку заметно напрягся и отдернул голову, уставившись прямо на свои все еще забинтованные руки.

Нет, подумал Изуку. Их заменили чистыми бинтами. Это произошло, когда медсестры привели его в бессознательное состояние? На самом деле это не имело значения, полагал он; он был просто благодарен, что не проснулся, когда они это сделали.

- Я не голоден, - проворчал Изуку, отворачиваясь от матери.

Инко протянула руку, ее губы задрожали, как будто она хотела сказать что-то в знак протеста, но то, что бурлило под поверхностью, сумело остаться там. Инко больше не спорил и не настаивал на своем. Они сидели в тишине (за единственным исключением - писк ЭКГ-монитора Изуку), казалось, целый час.

Какое-то шевеление привлекло внимание Изуку, заставив его снова повернуться лицом к матери, только чтобы увидеть, как она встает и протягивает руки. Как долго она сидела там, наблюдая за мной? Как долго пробыл этот джентльмен?

-Уже...поздно, - сказала Инко, наклоняясь, чтобы запечатлеть материнский поцелуй на лбу Изуку, в то время как она провела рукой по кудрявому зеленому морю его волос. - Доктор Тоши сказал, что я могу отвезти тебя домой завтра, если у тебя не будет другого..." Она прикусила губу, пытаясь закончить фразу.

Срыва, уныло подумал за нее Изуку.

Неудивительно, что Инко оставила свое предложение висеть в воздухе. Она медленно со скрипом открыла дверь—почти так, как будто пыталась открыть ее как можно медленнее,—и одарила сына последней жалкой улыбкой на ночь. Затем она продолжила закрывать дверь в мучительно медленном темпе.

Наконец дверь со щелчком захлопнулась. Прошла еще минута, прежде чем звук шагов его матери затих в коридоре. И Изуку, наконец, остался один.

Гудок. Гудок. Гудок.

Не совсем один, догадался он.

<http://tl.rulate.ru/book/55592/1423719>